

УДК 811.161.1

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ БОГА В ИДИОСТИЛЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Е.С. Палеха

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования лексико-семантического поля *Бога* в языке поэтов – ярких представителей того или иного направления в поэзии Серебряного века. Помимо выделения лексем ядерного и периферийного плана, автор останавливается на особенностях семантической трансформации смыслов «божественного». Проводится семиотический и компонентный анализ лексем – наполнителей поля.

Как известно, во все переломные эпохи неизменно религия и философия выступают проводниками смысла. Практически все поэты рубежа XIX – XX вв. обращались в своем творчестве к теме божественного, запредельного. Зачастую лексема *Бог* выступает как частичный синоним лексемы *добро* – это чистое воплощение, эссенция концепта Добро. В рамках исследования этого экзистенциального концепта нам удалось выявить следующую закономерность: в идиостиле поэтов Серебряного века тема Бога является актуализатором концептологического смысла Добра, а лексико-семантическое поле Бога аккумулирует основные поэтические идеи модерна.

Остановимся на некоторых примерах. Так, в поэзии Н. Гумилёва Бог выступает олицетворением высшего счастья:

*Я жду товарища, от бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.
*Я верю – боги в тишине,
А не в смятенье и не в буре.¹

Вышина и *тишина* в аспекте нравственного преображения человека синонимизируются с понятием доброго (благодаря общим семам «награда», «благодарить»). *Тишина* контекстуально противопоставляется «смятению», «буре» (в языке это частичные синонимы), поэтому *тишина* получает позитивную коннотационную компоненту. Подобную аксиологическую интерпретацию поддерживает и необычная сочетаемость: «боги в тишине». (Ср. с традиционно-языковыми словосочетаниями «Бог в сердце», «Бог на небе».) Следовательно, выявляется потенциально синонимическая пара: *тишина* = *вышина* (место обитания Бога, где царит абсолютная тишина и умиротворение). Грамматическое

¹ Здесь и далее цитируется по [1].

управление в словосочетании с пространственным предлогом «в» не ведёт к семантическому вмещению лексемы *Бог* в абстрактную *тишину* («тишина в Боге» или «боги в тишине?»). Предлог несёт не вмещающее значение, а частично идентифицирующее: *Бог = тишина*.

Трансформируется и значение образа-символа *креста*:

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь **спасающее время**
Тяжелого железного креста!

В лексикографии *крест* – лексема нейтральная, конкретная, немаркированная. Но в культурном сознании крест символизируется и приобретает абстрактную семантику, вследствие чего становится частичным синонимом слова *бремя* – знак тяжести ноши страданий. Синонимизируются и эпитеты – адъективы: спасающее = тяжёлое. (Ср. библейский мотив страдания во имя искупления грехов человеческих.) Мужская рифмовка и морфологический изоморфизм Христа – креста способствуют паронимизации ключевых слов стиха.

В стихотворении «И время жизни – злое время...» два тождественных в семантическом плане словосочетания («время жизни» и «злое время») разложим на составные компоненты. Если лексема *время* в обоих случаях выступает как главный компонент – константа (в первом случае – управления, во втором – согласования), то два зависимых компонента будут взаимозаменяемы, синонимичны (даже при несхожести грамматического оформления словосочетаний и разности частеречных характеристик слов): «жизнь есть зло». Сопоставим с реализацией лексической валентности семантемы *время* в предыдущем контексте. Только в силу сочетаемости («время креста») лексема несёт положительную семантику. Потенциальная сема существительного («спасение, искупление») выносится на первый план, акцентируется под воздействием: а) предстоящего эпитета («спасающее время») и б) распространения ореола «доброй» семантики концептемы *крест*. Не «время жизни», а «спасающее время креста» входит в ЛСП Бога.

Контактное влияние «положительной» лексемы крест ярко проявляется и в сочетании «золотой нательный крест». Золотой цвет в поэтике Гумилёва один из немногих имеет если не символическое, то знаковое осмысление:

Только ... я вижу всё чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бред)
Странного зверя, которого нет,
Он – золотой, шестикрылый, молчащий.

Очевидно, что «странный зверь» – эвфемизм. О том, что в виду имеется ангел (Серафим), свидетельствуют три его характеристики. По лексическому и ассоциативному наполнению *золотой* – самый всеохватный. В этой триаде только *золотой* является эпитетом (так как прилагательное подверглось семантической трансформации, значение его абстрагировалось и имеет ряд ассоциативных связей; к тому же из разряда относительных оно перешло в качественные):

Ах, мне снилась равнина без края
И совсем золотой небосклон.

«Голубое небо» – «мёртвая» в языковом плане сочетаемость (название визуального характерологического признака). Наоборот, сочетание «золотой небосклон» построено на метафорическом переосмыслении семантики. Здесь наблюдается синтаксическая компрессия и замещение лексемы *солнце* лексемой *небо* («золотое солнце на небе»). Учитывая семную корреляцию слов, *небо* можно трактовать как синоним той самой *вышины*. Сочетаемость с адъективом *золотой* – знаком Бога, Добра, Вышины – способствует переосмыслению конкретного лексического значения слова *небо* в сторону отвлечённости, «возвышения».

Интересно употребление прилагательного *золотой* в цикле «Беатриче»:

Если хочешь, мы выйдем для общей молитвы
На хрустящий песок золотых островов.

Соотнесём эти строки с четверостишием из следующего сонета:

Ты подаришь мне смертную дрожь,
А не бледную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
К островам совершенного счастья.

Используя прием лексического «наложения» двух структурно различных словосочетаний с одним определяемым словом, получим новое языковое тождество: *золотое* = *совершенное счастье* = *доброе*.

Особо интересны в плане семантической трансформации строки из стихотворения «Вечное» (вечное семантически приближено к доброму):

Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

Окказиональная сочетаемость поддерживает смысловое абстрагирование лексемы *дорога*: дорога вверх = дорога к Богу = к Добру. *Солнце* выступает синонимом лексемы *Бог*; а *червь* – лексемы *человек*. Образуется окказиональная антонимическая пара: *солнце* – *червь*, как *верх* – *низ*, *Бог* – *человек*, *добро* – *зло*.

Таким образом, сема «золотой цвет» из ассоциативного поля солнца переходит в сферу Бога. Поэтому в поэтике Гумилева словосочетания адъектива *золотой* с существительными выступают как позитивно коннотированные, а существительные в таких сочетаниях приобретают абстрактную семантику.

У другого поэта той эпохи Г. Иванова авторское понимание Бога раскрывается через семантему *птица*, которая выражает три концептуальных смысла – «душа», «счастье», «близкое к Богу».

Так, лексема *ласточка* попадает в ассоциативное смысловое поле *Бога* за счёт снижения и конкретизации («очеловечивания») образа божества:

Но кажется, устав от дел тревожных,
Не слышит старый и спокойный Бог,
Как крылья ласточек неосторожных
Касаются его тяжелых ног.¹

Семантическое окружение лексемы *Бог* снижает образ божества до уровня человека. Ласточки тоже знак мира земного. В поэтической семантике Г. Иванова *небо* – посредник между землёй и божественным миром (раем, небом). Рай и небо в ряде случаев синтагматически сопряжены:

¹ Здесь и далее цитируется по [2].

*А небо, лучезарнее, чем рай...

*Для чего, как на двери небесного рая,
Нам на это прекрасное небо смотреть...

Коннотированный эпитет «прекрасное (небо)» имманентно входит в семантическую структуру существительного: оценка «прекрасное» всегда подразумевается у *неба*. Поэтому и в сочетании «небесный рай» прилагательное из относительного переходит в разряд качественных: *небесный* не по месту расположения, а по содержанию «прекрасного». Семантемы *небо*, *рай* становятся символами трансценденции.

ЛСП *Бога* включает большую группу лексем, обозначающих различного рода световые явления. Это лексемы: *звезда*, *свет*, *сияние*, *заря*, *закат*, *солнце*, *луч*. Выделим основные структурно-семантические элементы ключевой единицы – *звезда* – на основании валентности и сочетаемостных вариациях в условиях поэтического контекста:

1) Вечность:

*Приближается звёздная вечность...

*Очи звёзд бессмертных...

2) Причастность к высшему, к всезнанию:

*И глядит на мир звезда...

*В – до чего далёком – прошлом,
То ли звездном, то ли пошлом.

*От вечных звёзд ложится синий свет
Над сумрачным земным существованьем.

*Точно звёзды встают пророчества...

3) Тепло, надежда, мечта:

*Звёзды разбивают лёд...

*Ближе к звёздам, ближе к дому...

*Над торжественными звёздами
Наше счастье зажжено.

Мы выделили лишь самые основные смыслы (они обусловлены денотативным содержанием лексемы и одновременно представляют авторский ментальный лексикон), но и они позволяют обосновать включенность *звезды* в концептосферу *божественного*.

Лексемы *рай* и *Бог* имеют опосредованную экстралингвистическим фактором коннотацию. Их референты четко оценены в системе религиозных представлений. Семантика *рая* в поэзии Г. Иванова аккумулирует два окказиональных смысла, противоположных по своей сути:

• Рай – смерть:

*Скоро к голубому раю
Лебедями полетим.

*А душа на серебряных крыльях
В рай улетела.

Смысл «смерть» дан опосредованно: через лексемы – подсмыслы *душа* и *птица*. Здесь можно говорить о пересечении концептуальных полей Добра и Зла, прекрасного и безобразного, смерти как одного из проявлений тёмной стороны бытия, счастья и страдания. В построении метафорического образа используется

лексема лебедь, референциально нагруженная фольклорными смыслами. Один из них – символическое наименование смерти (ср. «лебединая песня»).

- Рай – мечта:

*...К самой двери рая,
Который только снится нам.

*Видел сон я: как будто стою
В золотом и прохладном раю.

Примечательно, что существительное рай в поэзии Иванова имеет константные цветовые распространители – *голубой* и *золотой*. Эти эпитеты несут знаковую нагруженность для всей эпохи стихотворчества Серебряного века.

У Г. Иванова *земля* и *небо* противопоставлены: они несут антонимичные смыслы. Для идиостиля другого поэта рассматриваемого периода – Цветаевой – эта дихотомия неактуальна, она заменена более ёмкой антитезой «верх» – «низ». В функции доброго начала могут выступать и земля, и небо. Земля награждается эпитетом «ласковая», а себя Цветаева называет «земной женщиной», свою жизнь – «земным пиром», свою поэзию – «земным напевом». Само относительное прилагательное *земной* не имеет ярко выраженной экспрессии, зато в функции субстантива оценивается однозначно положительно:

Я о земном заплачу и в раю.¹

Есть многочисленные примеры, в которых смыслы *земли* и *неба* оформлены в антитезе:

*...Голос правды небесной
Против правды земной.

*Для всех, в томленьи славящих твой подъезд, –
Земная женщина, мне же – небесный крест!

Эта антонимия усиливается в доведении дифференциального признака до предела – оппозиция получает вид семантической абстракции: «верх» – «низ»:

*Всё выше, всё выше – высот
Последнее злато.

*Гудят твоей высокой тяги
Лирические провода.

*Выше! Выше! Лови – летчицу! (душу – П.Е.)

*Ах, с откровенного отвеса –
Вниз – чтобы в прах и смоль?

Уже на материале приведенных цитат можно вычленить семантические надстройки, которые получают единицы антагонистических ЛСП – «низ» и «верх»: мрак – свет, жизнь – смерть, тело – душа, плоть – духовность. Все смысловые вариации «верха» получают у Цветаевой семантику божественной причастности.

Поляризация верха и низа как семантическая вариация оппозиции рая и ада характерна для русской ментальности, базирующейся на традициях христианства. Д. Лакофф и М. Джонсон показали, что оценки по вертикали всегда определены: верх – ‘хорошо’, низ – ‘плохо’ или, во всяком случае, ‘хуже’. Все нравственные категории, выражаемые языком пространств, противопоставлены

¹ Здесь и далее цитируется по [3].

по вертикальной оси, что изначально связано с религиозными представлениями: на небе – Бог, в бездне – преисподняя [4, с. 294].

Ю.С. Степанов отмечает важность отношений «верх – низ» для семантического постижения мира в его закономерностях. Во многих языках эти понятия выражаются одним словом (латинское *altus* – высокий (о дереве, горе) – глубокий (о море, реке)). По мнению Бахтина, «в основе этого явления лежит представление о мире как о вечно неготовом, как об умирающем и рождающемся одновременно, как о двутелом мире» [5, с. 138].

Остановимся на менее традиционной оппозиции *Бог – человек* (иногда вариация ангел – человек):

- 1) С пропавшими навек
Для бога и людей.
- 2) Вас охраняла длань господня и сердце матери...
- 3) Жить так, как пишу, образцово и сжато,
Как бог повелел и друзья не велят.
- 4) (Бог дал, человек не обузь!)
- 5) Бог – слишком бог, червь – слишком червь.
- 6) Думали – человек!
И умереть заставили...
– Плачьте о мёртвом ангеле!

В контекстах 1–3 семантика божественного и человеческого вроде бы и не противопоставлена, но союз «и», соединяя однородные члены / однородные предложения, эффективно разделяет их смыслы. Противопоставление подкрепляется семантическим ореолом окружения: «длань» ↔ «сердце», «повелел» ↔ «не велят» (здесь противоположны: утверждение – отрицание; ед. ч. – мн. ч.; совершенный – несовершенный вид). В контексте 4 антитеза строится по тому же принципу. В примере 5 синтаксический параллелизм и интертекстуальная реминисценция на строку из Державина усиливают эффект антонимии. В последнем цитированном отрезке человек противопоставлен ангелу по признаку «способность к смерти» («мертвый ангел» – оксюморон).

Получается, что подсмысл *человек* именно в этом своём значении – в противопоставленности божественной чистоте, божественному всеведению, божественной справедливости и божественному бессмертию – исключается из поля *Бога*. В качестве множителей концепта Добро выступают *дух*, *душа*, *духовность* человека, ибо «живая душа», по Цветаевой, «дар Божий».

Между полярными смыслами *Бог* и *человек* находится ряд слагаемых иного плана: *вера*, *крест*, *молитва*, *купол*, *колокол*. Их функция – быть связующими смыслами между Богом и человеком:

- *Молись, чтоб тебя простил –
Бог.
- *Но выше вас, цари: колокола.
- *Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола.
- *Надену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь – и тихо тронусь в путь.
- *...Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой любви.

Особой семантической трансформации с этими семантемами в цветаевском языке не произошло: ключом к их смысловому декодированию служит их включенность в ЛСП христианства. Отметим лишь, что Цветаева приемлет только «страдающую» веру.

У Г. Иванова лексема *птица* подверглась семантической трансформации: *птица* → *счастье*. У Цветаевой сема «счастье» включена в широкий религиозный семантический контекст, связанный с употреблением лексемы *птица*:

На орлиных скалах –
Как орёл рассевшись –
Что с тобою случилось,
Край мой, рай мой чешский?

Дифференцированное употребление видовых лексем – названий птиц – не случайно. Так, *орёл* характеризуется чрезвычайной высотой полётов: «орлиные скалы»/«рай» – общая сема «высоко».

Особого комментария заслуживает употребление лексемы *голубь* в языке Цветаевой. В христианском мировоззрении голубь символизирует связующее звено между Богом и человеком, а следовательно, между человеком и небом [6, с. 10]:

А как бабушке
Помирать, помирать, –
Стали голуби
Ворковать, ворковать.

Таким образом, семантика лексемы *голубь* символизируется, и слово употребляется в строго определённом контексте:

*А за плечом – товарищ мой крылатый...
*Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы и что ей хаты!

Сема «крылатость» выступает как признак ангела и характеристика души человека. У ангела крылья – функционально-божественная принадлежность, а у человека – метафорическое обозначение устремлённости к высоким идеалам. Лексемы *ангел* и *душа* частично синонимизируются. Как следствие, образуется окказиональный смысловой параллелизм: *рука* – *крыло*:

Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка...
Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Коннотационный план нейтральной лексемы *рука* усложняется, слово приобретает новую сочетаемость:

*А рубахи! Как взмахи
Рук над жизнью разбитой!
*Руку верную даю –
Пишущую, правую.
...Вот тебе моя рука –
Праведная, правая!

В последнем контексте *рука* не просто метаморфоза *крыла*, но метонимический замысел образа человека в целом: *рука* сочетается с качественными характеристиками человека («верная», «праведная»). Разрушается терминологи-

ческий характер словосочетания «правая рука». По сути же, архаическое значение выступает как критерий истины и тем самым обогащает современное значение этимологическим [7, с. 69].

Рука-крыло наделяется и другими антропологическими характеристиками:

- способностью любить («У меня к тебе наклон крыл...»);
- способностью творить («Я знаю, что Венера – дело рук...»);
- способностью верить («Две руки крестом...»);
- способностью жить («Ведомо мне в жизни рук многое..., / Ибо ладонь – жизнь...»);
- способностью желать и умирать («Руки в землю хотят – от плеч!»).

Можно выстроить цепочку семантических трансформаций: человек – рука – крыло – душа – ангел, т. е. человек = ангел в границах концептуального языка Цветаевой.

«Положительное» в жизни оценивается при помощи группы родственных слов с исконным корнем «-ду-/-ды-» (в его современных вариантах: -дух-, -дох-, -дых-, -дыш-, -ду-, -ды-). Все эти слова в стилистически различных контекстах выражают концептуально заряженный смысл:

*Улавливать сквозь всю людскую гущу

Твой вздох животворящ –
 Душой, дыханьем твоим живущей,
 Как дуновеньем – плащ.

*Чтоб выдул мне душу – российский сквозняк!

*Дуновение – вдохновения!

*Вздох: выдышаться в стих!

Такое множество слов, этимологически родственных с концептемой душа, не случайно у М. Цветаевой: противопоставление духовности и бездуховности – традиционно центральная антитеза в поэзии. Цветаева стремится дойти до истоков смысла.

Дух – душа – дыханье – вздох – воздух синонимизируются и противопоставляются «минус»-смыслу, т. е. телу:

*Так много вздоха было в ней,
 Так мало – тела.

*...Столь

Заворожимы у нас, тел,
 Души.

В первом контексте актуализируется степень – «много/мало» – вздоха (всего хорошего, возвышенного, положительного) и *тела* (всего отрицательного, низкого). Противопоставление души и тела, таким образом, вписывается в уже рассмотренную систему координат «верх» – «низ» (выражение «бездушные тела», употреблённое в одном из контекстов, для идиостиля Цветаевой оказывается плеоназмом).

Духовность как слагаемое поля *Бога* находит выражение в семантическом объёме лексемы *глаза* или её стилистически маркированном варианте *око*. В системе традиционно языковых метафор-штампов глаза определяются как «зеркало души». Цветаева использует этот смысл, но он часто – подразумевается и редко – выражается: «Пустотою безглазых статуй...».

Прилагательное совмещает прямое значение («без глаз») и переносное («без души»), которое близко к «мёртвой» языковой метафоре. Есть здесь и второй план трансформации значения: «безглазые статуи» = неживые, мёртвые в своей окаменелости. Так признак бездуховности достигает своего максимального выражения – омертвелости.

В подавляющем большинстве контекстов *глаз* на семном уровне переключается с концептосмыслами *неба, огня, солнца, света*. Ю.С. Степанов лингвоформулу «глаз – солнце» трактует как частное проявление семасиологического закона «*микрокосм* (органы тела человека и его внутренний, духовный мир) – *макркосм* (Земля, небо, светила)». «Этим законом устанавливалась связь между каким-либо фрагментом внешнего мира и тем именно органом чувств, которым этот фрагмент воспринимается. Об этом свидетельствуют многочисленные параллели из древне-родственных слов: древнеирландское *suil* – глаз (микрокосм) – готское *sauil*, литовское *saule* – солнце (макркосм), славянское меркнуть, смеркаться (макркосм) – литовское *me'rkti* – мигать, моргать (микрокосм)» [5, с. 137].

У Цветаевой глаза – символический посредник между небом и человеческой душой, с их помощью люди познают «высшие» (небесные) истины:

- *Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.
- *Пустоты отроческих глаз! Провалы –
В лазурь.
- *Входить без доклада, как луч и как взгляд.
*Око твоё – перебег зарев!
- *Перед Солнца Масонским Оком...

В этих примерах метафорическое сравнение строится на основе сходства по цвету (глаза – лазурь: синие); по способности «всепроникновения» (луч – взгляд; солнце – око); на основе общей семы «блеск/сияние» (око – зарево).

Единицы ЛСП божественного способны к семантической трансформации. Так, семантема *молитва* помимо традиционных знаковых реализаторов (усердие, прошение, поминовение и т. п.) на уровне окказиональных интерпретаций соотносится с семантикой лексем *грёза, мечта, творчество*:

- Кто-то светлый склонился с мечтой
Над могилой и шепчет: «Сбылось, –
И она умерла молодой».
- Этот, грёзой молящийся, – кто?
<...>
– Он поэт! Он поэт! Он поэт!

Сочетание «грёзой молящийся» нарушает не только языковую валентность слов, но и синтаксический узус. Поэтому с точки зрения синтактики и синтагматики оно является поэтическим нововведением, а следовательно, и аккумулирует концептуально значимые смыслы. Искренность и чистота молитвы и возвышенная устремлённость грёзы взаимодополняют смысловые ореолы друг друга.

При этом отметим, что семантический сдвиг в ЛЗ самого слова происходит по принципу расширения исходного значения. Будучи не только «религиозно-мистическим обращением с просьбами о чём-либо к Богу, к святым» [8, с. 397], а просто обращением, просьбой, молением о чём-то заведомо позитивном и

благотворящем, молитва включается в концептуализированную область Добра, которая включает и ЛСП *Бога*.

Лексема *крест* претерпевает схожие семантические изменения. В отличие от уже рассмотренных нами образов у других авторов, в поэзии Северянина религиозное значение здесь отходит на периферию. Исходным моментом для трансформации является визуальный образ, сама форма креста, который, несомненно, нагружен всеми прежними смыслами и культурологическими наслоениями. Напомним, что для концептополагания поэта-футуриста архизначим символ сирени. «Кресты сирени» – это не просто метафорический перенос на основании внешнего сходства, но и смысловое обогащение символа.

Северянин использует приём нарушения единства фразеологической конструкции дважды в следующем контексте:

Поставьте ж крест забвения
Вы, цепи жизни звения,
Толпа мужей и жён.
Поставьте в душах любящих
Вы, легионы в рубищах,
Своим невгодам крест.¹

Устойчивое сочетание «поставить крест» также строится на изобразительной метафорике. Новые актанты в данном отрывке не вносят нового смысла, но раскрывают и поясняют традиционное сочетание: поставить крест и значит забыть нечто плохое, покончить с чем-то неприятным. Таким образом, семантическая тавтология (плеоназм) в языке не всегда является таковой и в поэзии.

Ряд следующих лексем и неологизмов – *крылья*, *крылатость*, *воскрылие*, *крылолёт* – можно, основываясь на уже рассмотренных примерах, отнести к полю божественного. Это отнесение чисто условно, так как по смысловой заряженности авторской интерпретации у Северянина эти лексемы могли быть отнесены и к символам любви, и к символам поэтического творчества:

*О, страсть! Расправь пылающие крылья
И за собой в безбрежность нас взорли.
*Да, гений мудр и светозарен,
Среди бескрылых он – орёл.
*Я беру тебя в аллее
Весь – воскрылие,
В поэтическом молебне
Чародей.

Символический смысл семантемы *крылатость* прозрачен: воодушевление и вдохновение – именно эти душевные состояния в традиционном сознании описываются как «полёт души»; «окрылён успехом, любовью, творческим порывом» – подобные мёртвые метафорические образы традиционно используются для описания этих состояний. Северянин оставляет основание подобия для семантического переноса, но облакает уже знакомый смысл в по-новому оформленную образность.

Как было замечено, ЛСП *Бога* включено в схему концептополагания Добра. Однако поэты практически не обращаются к лексическому арсеналу ЛСП *доб-*

¹ Здесь и далее цитируется по [9].

ра, предпочитая представлять его посредством символов и других номинантов. Лексема *добро* и лексема *Бог*, а также их производные в поэтических текстах встречаются редко и не отличаются богатой семантической заряженностью.

Лингвистическое поле концепта ДОБРО в поэзии Северянина во многом повторяет основные направления в выборе средств выражения уже исследованных нами идиостилей Н. Гумилёва, Г. Иванова, М. Цветаевой.

Если в языке Цветаевой превалирует символика, то у Северянина символические и денотативные аспекты представлены в равной мере. У других поэтов ЛСП Бога и божественного занимает центральную позицию в концептосфере, у поэта-эгофутуриста религиозные смыслы присутствуют имплицитно и относятся к периферии. У Северянина многообразно в символическом плане представлено поле природы, в денотативном – поле психологических состояний человека. Зачастую поэт выходит не только за рамки узуальной валентности слова, но и за рамки традиционной символики.

В поэзии символиста В. Иванова ЛСП *Бога* (вечность, высота, небо, голубой, лазурь, белый, крылатость, соборность, святость, Бог, храм, покой) представлено лексически дробно и семантически многослойно.

Лексема *Бог* оттеснена на периферию поля: как истинно верующий, В. Иванов не упоминает имени Всевышнего всуе, Бог не называется, он подразумевается и воплощается в разветвлённой системе религиозных символов. Адъективные образования (*божественный, божий*), наоборот, активно вербализуют концептуально значимые смыслы. Они выступают в качестве эпитетов к существительным: *утешение, покой, улыбка, ангел, равновесье, дар*. Все они имеют денотативную семантику позитива.

Лексема *покой* ассоциативно связана с символом *звёзд* («Зовёт к покою и к звёздам»¹) и символикой круга («... что родить покою? / Тому, что – круг, исхода нет из круга»). Традиционно круг предполагает двойственность интерпретаций: это символ замкнутости, ограниченности или символ гармонии, совершенства. В древнейшей картине мироздания круг – это образ солнца. Исследуя концепт Круг, Н.Б. Мечковская замечает: «В образно-мифологическом сознании образы круга и кольца нередко содержат идею единства, бесконечности и законченности, целостности и высшего совершенства; иногда круг и кольцо – это весь мир <...>. Круг и кольцо – это и общность (людей, территории)...» [11, с. 300]. На наш взгляд, именно эти положительные смыслы и семы актуализируются в семантеме круг у В. Иванова, хотя сама она не входит в разряд частотных и не аккумулирует концептосмыслов. Зато благодаря семантике круга в сферу ЛСП *Бога* входят такие множители, как *покой, соборность* («В живой Соборности и Равенство, и Братство / Звучат свежей, свежей...») и *вечность*.

Вечность предстаёт как отвлечённая субстанция, реже семантический ореол лексемы пересекается со смыслами божественного:

*Глядятся Жизнь и Смерть очами всех огней
В озёра Вечности двуликой.

*Осталось в бытии, что было, –
Душа благу слышит весть, –

¹ Здесь и далее цитируется по [10].

Окаменело и застыло,
 Но в вечно сущем вечно есть.
 *Детей творения, нас, в разлучённой доле,
 Покорность единит единой вечной **Воле**.

Использование заглавных букв в именах нарицательных подчёркивает их отнесённость к миру Всевышнего: они в его власти. Чаще поэт использует прилагательное *вечный*, которое уже выступает маркёром семантики божественного: вечная красота, вечные звёзды, вечная любовь, вечное светило, Память Вечная и др. Все определяемые лексемы – элементы системы концепта Добро.

Концептема *святость* также редко используется как обозначение абстрактной сущности, её положительную денотативную окрашенность в полной мере передаёт деривационный трансформант – эпитет в его различных вариантах: «святой пожар любви», «град святокрестный», «вечных сфер святой порядок», «священный мой обет». В этимологии слова *свет* «святость» выступала его лексико-семантическим вариантом, но с проникновением христианства на славянскую почву эта семема стала восприниматься в неразрывной связи с этой религией.

В идиостилиях уже исследованных авторов Серебряного века *святость* чаще всего не эксплицировалась. Зато у всех, за исключением Н. Гумилёва, во всевозможных языковых вариантах обыгрывалось символическое значение лексемы *крыло*. У В. Иванова не находится значимых контекстов, в которых актуализируется семантика божественной принадлежности признака крылатости. Семантический перенос осуществляется по модели абстрактизации значения.

Признак окрылённости становится знаком высоких мечтаний:

*Крыльев лебединых
 Взмахом Грёза реет...
 *Одних осанн мы два согласных хора,
 Мечты одной два трепетных крыла!

Любовное воодушевление также передаётся посредством символа *крыла*, причём в этих контекстах актуализируется сема «два»:

Двоих Эрот к неведомым пределам
 На окрылённых носит раменах...
 (два плеча → два крыла).

В некоторых контекстах семантика любви дополняется семантемой огня и семой «высокое страдание» (посредством библейских символических образов креста и синайского куста):

*Впервые мы крылаты и едины,
 Как огонь – глагол синайского куста;
 Мы – две руки единого креста <...>
 Два древние крыла, два огневые.
 *О, соизбранница венчанья,
 Доверим крылья небесам!

В последней цитате концептема *крылья* синтагматически связана с миром небесным. В концептеме *небо* актуализируются две ядерные семы «высокое» и «потусторонность/близость к Богу». Эпитеты «безмятежное», «благое», «высокое» характеризуют небо как символ высшего спокойствия и справедливости.

Иногда небо выступает метонимическим эвфемизмом Бога: «Как умолить пощаду неба?»).

Константная характеристика неба – голубой цвет, лазурь («светло-синий цвет, синева (устар. и высок.)» [8, с. 271]). В краски русской символистской поэзии лазурь как элемент мистической и софиологической картины мира ввёл Владимир Соловьёв. А. Белый так объяснял символическую нагруженность цветообозначений: «Цветами мы можем характеризовать самые сложные психологические состояния. Одно настроение можно представить лазурью с розово-золотыми оттенками, другое – цветом серым с лилово-зелёными отсветами <...>. Тёмно-лиловый цвет и чёрный отражают мир катастроф, душевных надломов, смертельных растлений, падений в бездну, самосжигание, сатанизм, сумасшествие <...>. Мы, символисты, умеем цветами сказать о Вечности, Безвременности, Закате Души, Зове Зари, Напоре Эпохи, Душевной Тени, Страхе Ночи, Мире Неуловимых Шёпотов, Неслышных Поступей» [12, с. 68]. Соответственно, мы можем предположить, что символическое значение *лазури/голубого/синего* цвета укладывается в рамки концепта Добро, а частично – в ЛСП *Бога*:

*Я спросил детей счастливых:
«С чем сравнимо ваше счастье?»
Очи тихие воскинув,
Дети молвили: «С небесной
Безмятежною лазурью».
*... в лазури Красоты.
*Из тесных окон светит вечер синий:
Се красота из синего эфира...

Символическую расшифровку цвету поэт предоставляет в повторяющемся семантическом окружении. Цвета неба воплощают красоту, счастье, спокойствие, безмятежность, умиротворённость и в других контекстах.

Через сему цвета небесное пространство связывается с водными просторами: «С небом целуется влага разливная», «Высот недвижимые озёра». В этих метафорах семантические поля *неба* и *воды* пересекаются и переплавляются: отделить одно от другого становится невозможным. Вечное движение, безудержность стихии, природный мир – таковы главные, но не единственные значения этого символа. В «Римских сонетах» вода является главным символом жизни [13, с. 397].

Для концептосферы Добра и ЛСП *Бога* важным смыслом оказывается и символ белого цвета. Два из выделенных нами значений символа несут положительную коннотацию и связаны с другими концептемами:

1) Белый – знак чистоты, душевной непорочности:

*И месяц белый расцветает
На тверди призрачной – так чист!
*Встань на лазури стройных скал
Души белея...

2) Белый – символ святости:

*И влачит по заводям озёрным
Белый челн, плывущий в небе чёрном,
Тусклый плен божественных сетей.
*Вопросил я светлых духов:

«С чем сравнимо ваше счастье,
Непорочные, святые?»
Возлетая, пели духи:
«С белизною стройных лилий».

В последнем контексте представлен квазисинонимический ряд: светлый, непорочный, святой, *белый, *счастливый.

Однако семантическое содержание белого цвета не является однозначным: помимо нейтрального денотативного значения (белизна лилий) и положительных коннотаций (белый = чистый, божественный, святой), выделяются и отрицательные эмотивные надстройки. В этом случае белый трансформирует семантику смерти: «Лебеди белые кличут и плещутся... / Пруд – как могила...». Это восприятие реализуется в метафорах «светел мёртвый снег», «кладбище сугробов», «реквием метели ледовитой» и примыкающих к ним: «немые сугробы», «пелена зимы», «острог зимы» с заключённой в них идеей умаления жизненного пространства. В этом значении семантема белый цвет исключается из сферы концепта Добро, но остаётся компонентом ЛСП *Бога*.

Подобная двойственность семантики белого цвета закономерна. А.Р. Копачёва в своей работе отмечает: «Белый цвет противопоставляется как цвет чистоты, радости у европейских народов и как цвет траура у многих народов Востока – символ неокрашенной одежды в знак отказа от всех цветов, вкуче олицетворяющих жизнь <...>. Синтез всех цветов, белый, издревле вызывал ощущение чистоты, означал целомудрие, являлся символом света, и поэтому древние считали его божественным <...>. Это также цвет веры, истины, святости жизни» [14, с. 8]. Все перечисленные смыслы отражены в поэтическом воззрении В. Иванова.

Реализация ЛСП в дискурсах исследуемых авторов отражает национально-историческую специфику восприятия Бога в контексте эпохи Серебряного века. В лирике Г. Иванова, Н. Гумилёва, М. Цветаевой, И. Северянина, В. Иванова нами были выявлены основные слагаемые ЛСП. В поэтическом языке Серебряного века реализуются новые возможности языковой системы: расширение семантики ключевых слов, обогащение словообразовательных гнезд слов, энантиосемизация семем одной лексемы, нарушение морфологической соотнесённости слова, окказиональная синонимия и антонимия, контекстуальная полисемия, диффузия семного состава.

Устойчивой представляется пространственная метафоризация *Бога*. Концептуальное значение *Бога* закономерно вербализуется в лексемах с актуализированной семой «верха»: *небо, солнце, звезда, заря, свет, сияние, душа, крыло, птица, голубь, вышина, рай, мечта*.

Данное ЛСП, как видно, аккумулирует представление об этическом идеале. Однако в качестве слагаемых поля выступают и эстетические оценки (*свет, сияние, яркость, белый, лазурь, голубой*). Эстетическая оценка в ментальном пространстве не случайна, а закономерна. Интеллект и менталитет ориентированы на зрительное восприятие. В идее *Бога* синтезируется эмоциональное и рациональное восприятие.

Н.О. Лосский отмечал: «Русский человек обладает особенно чутким различением добра и зла; он зорко подмечает несовершенство всех наших поступ-

ков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра» [15, с. 241]. На наш взгляд, идея Бога доминирует в языковом сознании человека эпохи Серебряного века, ибо Бог и есть совершенное Добро.

Summary

E.S. Palekha. Lexical-semantic field of the God in the style of the Serebryany vek.

Particularities of the shaping lexical-semantic field of the *God* are considered to be the essential aim of the article. As a language material the author has chosen five bright representatives that or other directions in poetry of the Serebryany vek. Aside from separation of the lexemes nucleus and peripheral plan, author stops on particularity of the semantic transformation sense “divine”. It is conducted semiotic and component analysis of the lexemes-fillers of the field.

As it's well known, in all critical epochs invariably religion and philosophy emerge the conductor of the sense. Practically all poets of the border XIX – XX centuries provoked in their creative activity the theme of God, divine. Frequently the very lexeme *God* emerges as a partial synonym of the lexeme *good*.

The realization of lexical-semantic field of the *God* in poetry reflects national-history specifics of the perception of the God in context of the epoch of the Serebryany vek. In lyric poetry of G. Ivanov, N. Gumilyov, M. Cvetaeva, I. Severyanin, V. Ivanov there were revealed main components of the field investigated. In poetical language of the Serebryany vek new possibilities of the language system are realized: expansion of the semantics of the keywords, enrichment word-building jack words, breach morphological correlation word, author's synonymy and antonymy, contextual polisemy, diffusion of meaning.

Литература

1. *Гумилев Н.С.* Сочинения: в 3 т. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – М.: Худож. лит., 1991. – 589 с.
2. *Иванов Г.И.* Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. – М.: Книга, 1989. – 574 с.
3. *Цветаева М.И.* Избранные сочинения: в 2 т. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы – М.: Литература, 1998. – 654 с.
4. *Ермакова О.П.* Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 289–298.
5. *Степанов Ю.С.* Семиотика. – М., 1971. – 168 с.
6. *Бабулевич С.Н.* Цветообозначения как средство реализации концепта «Родина» в художественной картине мира С. Есенина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2004. – 24 с.
7. *Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 262 с.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
9. *Северянин И.* Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. – М.: Республика, 1999. – 543 с.
10. *Иванов В.И.* Лирика. – Минск: Харвест, 2000. – 384 с.

11. *Мечковская Н.Б.* К характеристике аксиологических потенций слова: концепты 'круг', 'колесо' и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 299–307.
12. *Валентинов Н. (Вольский Н.)* Два года с символистами. – М.: Издат. Дом XXI век – Согласие, 2000. – 384 с.
13. *Грек А.Г.* Пространство жизни и смерти в двух циклах стихов Вячеслава Иванова // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 391–399.
14. *Копачёва А.Р.* Концепт «Белый цвет» в художественной картине мира (на материале поэтических текстов французских и русских символистов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск: Издат. Центр ЧелГУ, 2003. – 23 с.
15. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

Поступила в редакцию
08.09.06

Палеха Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.